

**ОПРАВДАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
(политология и политическая социология)**

ШАМШУРИН Виктор Иванович - доктор социологических наук, редактор отдела журнала "Социологические исследования".

«Самоуправление совсем не исключает того, что одни решают вместо других, за других: ибо оно есть по существу своему не система внешнего порядка и внешних действий, но внутренний духовный строй индивидуальных правосознаний, особая связь между ними» [1, с. 238].

«Должен быть окончательно отвергнут губительный предрассудок о "внешней" природе права и государства; должна быть усмотрена и усвоена их "внутренняя". душевно-духовная сущность» [1, с. 276].

Сегодня принято много, иронично и даже с некоторой степенью восторга говорить о слабости и иллюзорности права. Оставим эти анархистские суждения на совести их многочисленных авторов - запоздалых последователей Прудона. Воистину эти речи возможны только при одном условии - сохранении и проявленности хоть какой-то силы и ценности государства и права. Почему? Да потому, что альтернатива предсказуемости, законообразности, всеобщности и необходимости порядка, поддерживаемого государством и правом (т.е. элементарному публично-правовому регулированию-согласованию любых сколь угодно примитивных, не говоря о сложных социальных, человеческих отношениях), по самой обычной логике и по опыту истории - это неразбериха, разложение, «хаос» (букв. -зияние развернутой пасти). И тут уж невозможны никакие ироничные статьи и суждения. Понимание между людьми происходит только на внешне-телесном уровне физических столкновений, вытеснений, утеснений, войн и насилий, а не на внутреннем, умственном уровне выражения и усвоения разумной аргументации. Дискуссия с оппонентом ведется не для того, чтобы найти согласованное и оптимально-эффективное решение - согласие, а на поражение и истребление. Как говорил Григорий Мелехов, по своему перелагая эту в общем-то древнюю как мир истину, прекрасно известную еще древним грекам и китайцам времен Платона и Конфуция: тогда казаки начнут резать друг друга по курням.

Здесь основное внимание будет уделено именно силе и ценности государства и права. И прежде всего потому, что это, повторяю, нормально, естественно и должно для благополучного течения дел людей, которые хоть как-то признают друг друга — даже в криминальных целях. Без элементарного взаимодействия, уважения и доверия нельзя, как известно, никому - даже разбойникам.

В теоретико-методологическом отношении очень важно разграничение между социологией, политической социологией и собственно политологией. Строго говоря, объектом исследования социологии является гражданское общество, а мир политической - политологии. Промежуточное пространство между гражданским обществом и миром

политического входит в сферу политической социологии, представляющей собой область пересечения политической науки и социологии. Политическая социология имеет дело с социальными причинами и отношениями распределения власти и властных структур в обществе, факторами, определяющими политическое подведение людей, политические конфликты, политические установки, ориентацию и мнения широких слоев населения, механизмы отражения социального инакомыслия в политической области и т.д. Другими словами, политическая социология в большей степени, чем политология концентрирует внимание на борьбе за власть между различными общественными группами, социальных конфликтах и социальных переменных, скрытых функциях, неформальных и дисфункциональных аспектах политики. То, что сейчас право изучения «тайн мадридского двора» присвоено средствами массовой информации, не обладающими хотя бы в силу специфики своей сверхоперативной работы должными навыками академизма в работе с достоверными источниками и допускающими обнаружение информации «по непроверенным данным». -совершенно ненормальное положение.

Что касается собственно политологии, то первоначально она и сформировалась как чисто «государственная дисциплина», т.е. наука о политических системах и юридических формах их осуществления в истории и современности, наука, призванная изучать предназначение функции государственных и политических феноменов, институтов и процессов. В целом, вслед за Г. Олмондом, можно охарактеризовать государство как нормативный центр политической системы, ее предел и оправдание. Действительно, и четкость, и определенность самого понятия «политическое» в значительной степени зависит от того, какое содержание вкладывается в понятия «государство» и «власть». Здесь Олмонд как бы продолжает лучшие традиции европейской, американской и русской политической науки. Особенно это касается русской «государственной» школы - классической либерально-консервативной школы естественного права. Европейская политическая наука берет свое начало от истории идей и сосредоточивает внимание на исследовании государственного права и государственно-политических институтов. Американская политология делала и делает акцент на рассмотрении социальных основ государственности. Что касается русской политической мысли, то здесь особую остроту приобретают вопросы сравнительно-исторического, нравственного порядков, связанные с проблемами сути государства и права, конституционализма, правового государства и т.д. {подробнее см. [2—4]}. В этой связи следует также отметить и особую важность такой отрасли политической науки как государственно-административное управление, от эффективности которого, добавим, зависит благополучие не только граждан, но и государства в целом. Проще говоря, людей следует учить не только тому, что законы надо соблюдать и как это делать, но еще и тому, как следить за тем, чтобы законы соблюдались и с кого при этом надо спрашивать в большей или меньшей степени. С этой точки зрения, государство, правовое государство призвано обеспечить все возможности для успешного существования и действия как самого гражданского общества, так и его организаций, установок. Государство обеспечивает политическую поддержку гражданского общества. Говоря языком православно-христианского богословия, они в этом смысле «единосущны», а не «подобосущны».

Все это позволяет сделать вывод о том, что государство занимает особое место в мире политического. Это — стержневой элемент, вокруг которого объединяется все остальное. Действительно, если партии и другие институты представляют (или не представляют) интересы и позиции тех или иных категорий граждан в политической системе, то государство выражает всеобщий интерес. Оно — главный способ осуществления власти, главный субъект суверенитета, т.е. установления верховенства закона, его неотвратимости и необратимости на данной территории и среди данного населения, средствами данных институтов. Более того, и здесь уместно говорить о философско-метафизическом уровне исследования проблемы. Государство наряду с семьей, языком, культурой и т.д. является одним из основных институтов, устрояющих жизнь человека в социальном мире. В основе государства лежит прежде всего установка на достижение устойчивости социальных отношений. И только потом при исчерпании всех возможных и невозможных путей к согласию и согласованию - легитимное насилие. Как говорил Плевако, смирить жестокою выно преступной воли государственным ярмом. Этим же убеждений придерживался известнейший русский «государственник»-политолог Б.Н. Чичерин, который рассматривал государство именно как главный двигатель и творца истории.

Однако ключевые проблемы государства должно усматривать не только и не столько в области философии и истории. Напротив, очень важна эмпирико-социологическая, прикладная проработка государственной жизни. Здесь имеются в виду вопросы, связанные с

политическими системами и политическими режимами, с их типологизацией, территориально-политической организацией политических систем, с конкретными принципами и механизмами отношений между центральными и местными органами государственной власти; проблемы федерализма, конфедерализма, унитаризма. При этом база данных весьма обширна: выборка включает в себя не только страны, регионы, исторические эпохи, но и области внутри стран и регионов с обычным статусом, и области, которые сохраняют особый статус на основе специфических социальных, культурных, этнических или исторических особенностей. Это, к примеру, Сицилия, Сардиния. Балле д'Аоста, Трентино-Альто Адидже, Шотландия, Уэльс и др.

Большой интерес, с социологической точки зрения, представляют концепции демократии и принципы правового государства, с одной стороны, характеристики, присущие тоталитарно-авторитарным признакам политического устройства, - с другой. Суть тоталитаризма - в слитности, нерасчлененности, недифференцированности различных структур: социальных, экономических, политических, идеологических и т.д. Однако в этом и сила, и слабость, а главное — основная причина гибели тоталитаризма. Действительно, если единство построено на неупорядоченности прав и обязанностей, когда элита может вникать во все и не отвечать при этом ни за что, то подобное течение дел неминуемо ведет к безответственности и неразберихе. Функции власти не определены законом, правом, т.к. правителям позволено все, а подвластным - ничего. Тогда как в правовом государстве, как известно, она, будучи субъектом права, в то же время связана правом, правовыми нормами. И право это касается, как прекрасно показал П.И. Новгородцев, развивая эту установку, суверенитета народа и суверенитета личности. Подобные мысли развивал ученик Новгородцева И. Ильин, выдвинув учение об аксиомах правосознания, о праве, основанном на равном духовном достоинстве и уважении разнообразия.

Здесь проявлена известная социально-политическая традиция, основанная на знаменитейшей римской юридической максиме: «властвуй, разделяя». Это положение трактовалось и сейчас трактуется в том смысле, что успешное управление предполагает насилие («правитель, разъединяй, стравливай подвластных»). На самом же деле имеется в виду совершенно противоположное - успешное управление основано на различении («дивиде» -суд, различение) и только в этом смысле разделении тех, кем управляешь («Правитель, познай, согласовывай интересы подданных; познай, различи собственные властные способности и функции»).

Действительно, государство, право - это не только средство классового подавления, но и средство классового согласия. В противном случае его существование в истории просто необъяснимо. «Когда отвергают право в самой идее, называя его насилием, то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы - то право, которое издавна вдохновляло на подвиг и на борьбу и которое всегда почиталось священным достоянием лиц», - писал П.И. Новгородцев в статье «Идея права в философии Вл.С. Соловьева» [5, с. 538]. И только в рамках правового государства, совершенно резонно полагал русский мыслитель, возможны любые социальные улучшения, в основе которых не утопия земного рая, превращающая жизнь в ад и ведущая граждан к нравственному вырождению, а идеал единства социально-политического реализма и божественных начал человеческого духа. Земля и небо, считал П.И. Новгородцев, должны быть связаны, а не разъединены: «Забывать одно для другого значило бы лишить общественный идеал одного из необходимых элементов, сделать его или бесплотным, или бескрылым».

Единство власти в правовом государстве тесно увязано с принципом разделения властей. Точнее - в разделении функций властей и, соответственно, адресной ответственности за исполнение этих функций. И тут уж дело техники - отвечает ли за исполнение тех или иных функций одно или несколько лиц, один или несколько институтов (известно, что в ряде стран и в разные эпохи исполнение, например, законодательных, исполнительных и судебных функций совмещалось). Важно и принципиально, чтобы всегда было юридически ясно - за какую функцию, в какой момент и кто может быть спрошен по всей строгости закона. Другими словами, единство власти заключается в ее способности эффективно и оперативно решать возникающие социальные и др. проблемы, защищать насущные, «естественные» права граждан (и потому неотъемлемые, неотчуждаемые государством никогда и ни при каких обстоятельствах) на жизнь, свободу, независимость и честь (первейшая обязанность!) А для этого необходимы те средства, которые связаны с указанным ранее принципом правового государства - суверенитетом народа и личности: гарантированная юридическая независимость последних от государства, предоставление

людям и организациям возможности самостоятельно, плодотворно и оперативно решать собственные постоянно возникающие проблемы, а не запрещать, подавлять и тем самым загонять их внутрь. Это как раз и происходит при тоталитаризме, который в конце концов гибнет от подобной собственной недалёковидности. Но не один, а увлекая за собой очень многих граждан - физически и нравственно. Что же касается своевременного ведения дел в правовом государстве, то в социальной жизни, экономике и культуре это означает, говоря современным языком социально-политической науки, децентрализацию власти. Это перераспределение власти из центра к периферии, к самым разным социальным группам, к гражданскому обществу, изучаемому средствами именно социологии. Решение проблем - ближе к самим проблемам отдельных людей, а значит и проблемам государства в целом. И дело не в том, что государство отказывается от власти. Напротив, такая существеннейшая, по Файолю, функция управления как координация (в данном случае политического) только усиливается, т.к. действия государства становятся в конечном счете более эффективными. «Государство и организация общества должны учреждать парцеллизацию власти», - пишет английский исследователь П.А. Холл [6]. В русской либерально-консервативной мысли государственной школы естественного права вслед за П.И. Новгородцевым эту тему плодотворно разрабатывали С.И. Гессен и особенно Б.А. Кистяковский [7, с. 141-159].

Без рассмотрения проблем права и правового государства, кстати, социальные опасности тоталитаризма остаются неясными. Более того, очень часто проблему тоталитаризма и тоталитарной империи смешивают с государственностью вообще и, в частности, с проблемой российской государственности, что совершенно недопустимо. «Государство» и «тоталитаризм» не просто контрарные, но контрдикторные понятия. Тоталитаризм - это эрозия, разрушение государства. Тоталитаризм наступает не вдруг, у него много причин, но если говорить о причинах, которые постепенно, исподволь «зреют», из ржавых пятен превращаясь в язвы, а затем в злокачественные опухоли в самом государстве, в его политических институтах и властных структурах, в социальном слое политической элиты, то следует указать вот на что. Известно, и в этом сходились и сходятся многие представители социально-политической мысли - и древние, и современные (от Конфуция и Платона до теоретиков и практиков современного менеджмента, например, А. Файоля, Г. Минцберга и др.), что признаками продуктивной политической элиты являются следующие: грамотная кадровая политика, достоверный информационный мониторинг, координация или публично-правовое регулирование и представительство. Бессилие в этих областях рано или поздно ведет сначала к неудачам, а затем - к провалам и краху, отворотить который не способная к управлению политическая элита как раз и пытается тоталитарно-репрессивными средствами. Когда говорят, что та или иная элита или лидер сведущи в тонкостях политики, но имеют такие «мелкие» недостатки, как то: не могут набрать грамотную и порядочную команду, не осведомлены об интересах граждан и нуждах государства, то это прямое лукавство или недомыслие. Как может быть хорошим плотник, который не владеет стамеской и рубанком? Как может быть хорошим политик, не знающий правил «техники безопасности» собственной профессии, т.е. не способный набрать для госслужбы знающих и нравственных и не способный добывать объективную информацию в самых неблагоприятных условиях? Иногда - в обход того окружения, тех «бояр», которые снабжают его сведениями, отвечающими скорее их собственным интересам, чем интересам граждан. Кроме того, к тоталитарным издержкам неминуемо, как показал еще М.Я. Острогорский, ведет ситуация, когда государство, элита «демократично» разрешает существование в рамках гражданского общества общественных движений, неформальных объединений, политических партий, которые по сути являются «формальными». Другими словами, как бы удваивают государственные властные институты, т.к. строятся по тем же принципам: имеют обширную штатную элиту и кокус (пропагандистов-организаторов среднего звена) и иерархизированный электорат с жестким членством. Все платят взносы, т.е. общественная организация существует не на добровольные пожертвования, а имеет подобно государству бюджет, основанный на детально разработанной налоговой системе! Конечно же, ни одну партию в правовом государстве запрещать нельзя. Нельзя допускать принципы организации партий, благодаря которым неминуемо и постоянно воспроизводится непримиримая оппозиция. И неважно, какие благие намерения лежат в основе программы той или иной старой или новой партии - будь то партия филателистов или партия последователей культуры североамериканских индейцев (есть в России сейчас и такая!). Рано или поздно легитимный и нелегитимный, но дублирующий государство, институты обязательно столкнутся в споре за первенство, поскольку, как известно, «два медведя в одной берлоге ужитья не могут».

Конечно же, в государственной науке много иных сюжетов. Однако наряду с другими важнейшими социологическими и политологическими проблемами политической культуры, ее моделей, идеологических построений, соотношения средств массовой информации и политики есть главные, базисные. Без их рассмотрения аксиоматика этих наук не только становится аморфной, а просто-напросто рассыпается. И именно в этом ракурсе следует анализировать связь социально-политических решений с определенными сверхзадачами, стратегическими ценностями, фундаментально-метафизическими мировоззренческими проблемами, касающимися государства, права, гражданского общества.

Какова роль подобных установок в истории социально-правовых и политических идей, в жизни отдельного человека и в правовых, социально-политических делах государства, в международных отношениях? Особенно четко этот вопрос встает тогда, когда рассматриваются основные характеристики общественно-политических парадигм, политических программ, социальных платформ, личных убеждений граждан, партий, институтов (либерализм, консерватизм, и т.д.) Отыскивая ответ на этот вопрос, мы неминуемо приходим к выводу, что историк идей, их изучение учат работать со смыслами, вырабатывают строгость в определении объема понятий и соотношении их с соответствующими социально-политическими реалиями и процессами, страхуют от возможных подмен, подтасовок, демагогии или просто невежества и некомпетентности и социолога, и политолога. Это, на мой взгляд, первейшая задача исследователя, задача, которая может быть определена как учебно-образовательная или просветительно-разъяснительная. В самом деле, важно не только выработать новое социально-политическое знание, не только успешно передать плодотворные экспертные оценки новым поколениям специалистов, но и доходчиво объяснить его буквально каждому человеку, т.к. экономические, религиозно-нравственные, юридические, социально-политические и философско-мировоззренческие вопросы касаются всех.

Итак, вторая задача - мировоззренческая - важность осознания и упорядочивания, управления, оПРАВОВления человеком своего внутреннего мира в согласии с миром внешним, миром социума и политики. «Тогда, - писал П.И. Новгородцев, - история представляется уже не одним стремлением к все удаляющейся перспективе, а осуществлением вечного закона жизни. И как бы ни казались разорванными и случайными отдельные звенья исторического развития, все они связаны некоторым общим и высшим смыслом» [5, с. 63].

Третья сторона касается, повторяем, конкретной роли базисных парадигмальных установок философского порядка в истории и современности социально-политических и правовых идей в жизни отдельного человека и в правовых, социально-политических делах государства.

Все эти задачи или, лучше сказать, три блока проблем, являются ключевыми и весьма актуальными. Почему?

Попытаемся в самом общем виде ответить на этот вопрос: история привносит ясность и определенность (с точки зрения подтвержденности или неподтвержденности на практике) в отношении между идеями и событиями. Политическое действие, например, как никакое другое должно отвечать требованиям «мгновенного реагирования». Известно, что практически любой правитель работает в условиях цейтнота, когда «вчера еще рано, а завтра уже поздно». Но при этом его интуиция обязательно должна быть протестирована на плодотворную традицию государственно-правовых решений, апробирована с точки зрения долговременности, эффективности, применимости и верифицируемости - как по конечным результатам, так и в общественном мнении. Задача сложнейшая, почти невозможная, сочетающая и перспекцию, и ретроспекцию; но стремиться к ее выполнению властным структурам, опираясь на соответствующие социологические службы, безусловно, надо. И вот тут-то становится заметной роль политологии и политической социологии. Они, как никакие другие гуманитарные дисциплины, «прослеживают систему с обратной связью». Показывают различие между тем, что реально, целесообразно, достижимо в данных социально-политических условиях и для государства, и для гражданского общества, а что является насилием над жизнью, утопией, отвлекающей и даже порочной схемой; различие между тем, что «должно быть» и тем, что «уже есть»; между законом и состоявшимся фактом, пропагандой и очевидностью, истолкованием и действительностью, идеологическим комментарием и научным пониманием связанных с человеком идей и поступков. Учтут человека свободе правильного выбора наилучших решений и исключают возможность манипуляций общественным мнением и личными позициями. А уж следом за этим приходит ясность и определенность смысла ключевых и актуальнейших сейчас понятий социально-

политической и правовой жизни (право, закон, демократия, обязанности и права человека и гражданина, гражданское общество, правовое государство, суверенитет, консенсус, легитимность и т.д.), если их рассматривать с точки зрения возникновения, происхождения, изменения на пути к современным утвердившимся формам; опыту осуществления творческих решений вопросов, в какой-то мере сходных с современными.

Отсюда - ясность в дискуссии о правах человека: гражданских, политических, социальных, экономических, административных, религиозных, философско-мировоззренческих и т.п. В русле этой проблематики решаются и вопросы о свободе человека: внутренней и внешней, индивидуальной и общественной, ее проявления в культуре, быту, в науке, на производстве, в социальной и в политико-правовых областях. Уточняются актуальнейшая философско-правовая и политологическая проблема «общечеловеческих ценностей», проблемы права в государстве и гражданском обществе, проблема закона.

Дело в том, что каждый человек рано или поздно ставит перед собой следующий историко-генетический и, в то же время, философский, социологический, политико-правовой вопрос: каковы (и откуда они?) эти насущные и неизбежные в его жизни в жизни его народа сложившиеся духовные ценности - основы, заветы, убеждения, принципы, мнения, привычки, верования, идейные программы, партийные платформы, обычаи, традиции, институты, утвердившиеся в наиболее плодотворные типы социально-политического устройства, отношения общества и государства, законы. «Закон совершенный, Закон свободы», как сказано в Писании. Все то, что еще называют «запечатленной в сердцах» конституцией или конституцией в виде фиксированного правового документа того или иного государства. Именно по конституции можно проследить конкретные связи между отвлеченным принципом и социально-политической жизнью, предметно обосновать механизм взаимодействия того, что называется правом естественным и правом положительным, т.е. гармонию (или дисгармонию) между законом и подзаконным актом. А, скажем, в Древней Руси еще X в., времен формирования основ государства и права, первых международных договоров с Византией сказали бы: между «поконом» и «уставом», «рядом». Такого рода поиски возможны только тогда, когда естественная справедливость не является радикальным отрицанием реальной социальной практики, а, наоборот, становится нравственным основанием положительных законов. Именно «таким образом, - писал П.И. Новгородцев. - между естественным и положительным правом устанавливается прямая связь» [8].

Анализируя те факты, которые заставляют утверждать связанность государства собственным правом, полагает Новгородцев, мы должны прийти к заключению, что только естественно-правовая теория может объяснить эту связанность [9]. Почему? Потому, что именно наличие в праве постоянных и поддающихся лишь весьма медленному преобразованию моментов служит тем «правовым критерием» для оценки волевых актов государства, которые, с формальной точки зрения, представляются непререкаемыми. Быть может, самым ярким примером постоянного и непререкаемого для современного культурного правосознания элементом в праве являются права личности, в новое время получившие характерное название неотчуждаемых прав. Отрицание их лежит вне сферы реальной власти культурного государства. Такие постоянные элементы существующего правопорядка являются как бы материальным пределом законодательной воли государства. «Это осознание некоторых постоянных и твердых элементов правопорядка нашло для себя яркое воплощение в идее конституций и конституционных гарантий» [9, с. 514].

Различение Новгородцевым постоянных и изменчивых элементов в праве, в частности, в конституции того или иного государства весьма существенно, на мой взгляд, для социально-политической практики. Именно первые заслуживают пристального внимания законодателей. Остальное - процедурные особенности, подробности, которые можно совершенствовать «в рабочем порядке» на основе рекомендаций соответствующих компетентных органов в специалистов до бесконечности. Взять для примера конституцию США - вот уже 200 лет она остается неизменной. И не потому, что она совершенна, лишена недостатков и недочетов. Весь вопрос в том, чтобы законодатель установил (подобно «отцам-основателям» США), что следует считать постоянным и ценным, определяющим дальнейшие конкретные улучшения законом, по сути, задающим алгоритм последующим изменениям в конкретной социально-политической жизни человека, общества и государства.

Принцип законности, господство знающих, естественное подчинение им остальных во имя высшего совершенства - таковы основания идеи права, этого социально-политического идеала и в государстве, и в гражданском обществе, как полагали П.И. Новгородцев и его ученик И.А. Ильин.

В чем же насущность идеи государства и права сегодня? С точки зрения социально-политической практики - вопрос риторический. Необходимость порядка, гарантированной защищенности конкретной человеческой жизни после несложных объяснений должна и может быть понятна каждому. Это очевидно. Но есть и другая сторона вопроса. У этой очевидности должны быть и ясные философско-правовые основания. Иначе конкретная человеческая жизнь - не только в долгосрочной перспективе, но и каждое мгновение - не будет обеспечена ни онтологически, ни социально, ни экономически. Без стратегии нет тактики, и это аксиома.

Иначе - мечта, утопия выше жизни и вместо ситуативного анализа, основанного на признании абсолютной ценности человека, народа со всеми особенностями, привычками, обычаями, традициями, мнениями {иногда, кстати, весьма «спорными»} - беспочвенное экспериментаторство, теоретизирование, всегда оборачивающееся насилием против «человеческого материала», не понимающего своего счастья. Одна из распространенных сейчас социально-политических утопий такого рода - «неоевразийство». Опасность евразийской идеи, этой разновидности мондиализма, состоит в следующем. Мондиализм, как известно, провозглашает доминирующим сейчас типом «правильной цивилизации» западную, точнее, американскую демократию. И вот, согласно неоевразийцам, Россия должна осуществить свою миссию, воплотив этот тип в евразийском регионе. При этом сама Россия, по сути, становится заложницей и даже отдается «на заклятие», будучи вспомогательным средством, и обязана отказаться от собственной культуры, самобытности, умиротворяя и объединяя сохраняющих своеобразие часто в самом фундаменталистском варианте восточные регионы. Более разрушительный рецепт трудно придумать. Все - и Запад, и Восток «остаются при своих», а Россия должна «оставаться на высоте», выполняя «западное предназначение»! Но ведь и Ф. Бродель писал, что Россия, наряду с Западом и Востоком, - это своеобразный, имеющий свои интересы тип цивилизации, «целый мир» в культуре, хозяйстве, не считаться с которым просто невозможно. Хотят этого или нет, нравится это или внушает опасения, но так есть. И вот в очередной раз и в угоду очередной отвлеченной схеме-модернизации, теперь уже не коммунистической, а неоевразийской предлагается не считаться ни с традициями, ни с реальностью. Снова - «до основания, а затем...» Что дает евразийство на практике, уже показали и показывают события в Чечне. Объективно здесь осуществляется выгодная для Запада и для Востока, но не для России сырьевая политика. Закон не может быть основанным на утопии. Закон прежде всего реалистичен, вследствие чего - социо-, точнее, антропоцентричен.

Путь социального насилия, путь тоталитаризма неважно - государственного или гражданского - очень опасен. Прибегая к нему слишком часто, пускай даже с наилучшими намерениями «легитимного насилия», политическая элита, правитель должны четко осознавать, что они тем самым играют с огнем. Во-первых, создается прецедент, который в дальнейшем так или иначе работает против. Во-вторых, образовывается обширный социальный слой (и в государстве, и в гражданском обществе) с криминогенными, антиправовыми навыками, враждебный любой легитимности и рвущийся к власти. При этом подобные «временщики-янычары» совершенно не знакомы ни с традициями правления, ни с традициями подчинения. Но такая власть, такое государство быстро разрушаются - в течение одного-двух поколений. В политической элите в этом случае нет культуры доверия друг к другу. Элита не укоренена, т.к. не подкреплена, не обучена определенным жизненным, плодотворным (а не разрушительным) установкам, убеждениям, проявленным и в личном слове речевого поведения, и в социальном слове образа жизни. А усвоение этих «слов», как показывает изучение плодотворных и долговременных периодов устойчивых социальных отношений и стабильной политической власти в истории, - дело довольно продолжительное. Длится оно, как правило, на протяжении многих поколений властителей и подвластных. Здесь особенно показательны примеры Древнего Египта и Древнего Китая, насчитывающих тысячелетия государственной и гражданской стабильности.

Насилие же, если оно не преследует исключительно цели правовой охраны, закона, а ставится в связь с высшими задачами нравственной солидарности и совершенного общения, общества и государства, - это, по определению, беспорядок, разрушение, энтропия, беззаконие, хаос. Именно поэтому социально-политическое насилие и принцип «любое действие оправдано, если оно служит революции, модернизации, власти» несостоятельны прежде всего для самой же власти. Власть служебна для человека, т.к. властитель тоже в конце концов человек. Если она становится самоцелью, то разрушает прежде всего себя самое. Это одно из главнейших, очевиднейших и многократно подтвержденных и подтверждаемых в истории социологических и политологических правил «техники безопасности»

великой профессии правления и подчинения. Правитель всегда может стать подчиненным - об этом надо помнить.

Любое социально-политическое действие, воздействие в области государства и гражданского общества, социально-правовых отношений по своим последствиям и предшествованиям не могут быть единовременными, не могут быть «единственным спасением», «магическим заветным словом», «волшебной палочкой», раз употребив которую, затем можно сдать на хранение. Лао-цзы (VI-V в. до н.э.) в трактате «Дао дэ цзин» писал: «Даже после успокоения большого возмущения непременно останутся его последствия» [10, с. 137]. Государство, гражданское общество и право - это сложный организм сложившихся в истории властных структур и социально-юридических отношений, вырабатываемых в веках и передаваемых - осознанно или нет - одним поколением другому. Злоба, ненависть в любой форме - расовая, классовая, социальная, эгалитарно-бытовая несут в себе разрушение и только разрушение, некрофилию в любой сфере общества, политики, государства и права. Созидание, творчество, биофилию несут в себе только начала согласия, примирения, ориентированные на понятия «компромисс», «консенсус», «конформизм». Как сказал английский историк, археолог, философ и политолог Р.Дж. Коллингвуд: «правило состоит в том, что варвары в конце концов всегда проигрывают». Если общество основано не на высших духовных началах закона согласия, а на временном социальном сговоре, т.е. «произвольной конвенции» своекорыстных интересов дикой шайки-орды, оно разрушается.

Но задумаемся: что есть закон («jus»)? Это не отвлеченный для социологии и политологии вопрос. Это тот философско-правовой вопрос, от решения которого во многом зависит -какова социально-политическая практика, быть правовым государству и гражданскому обществу или нет. Да другими по определению они и быть-то не могут - иначе это уже что-то иное, например, племя или просто толпа. С древних времен обсуждается следующий вопрос: в чем суть закона права, а значит - и государства, и гражданского общества? Разум или воля (например, правителя, элиты, института, организации)? Другими словами, это справедливый, честный долг совести, внутренняя убежденность («jus qui justum») или же закон - это внешний приказ власти («jus qui jussum» - по латыни буквально «распоряжение хозяина»)? Итак, внутреннее повеление или внешнее принуждение?

Для реальной социально-политической и юридической практики чрезвычайно важно -обладают законы всеобщностью и необходимостью, т.е. аподиктичностью («разумностью») или их можно волевым манером принимать и отменять «с легкостью необыкновенной», не сообразуясь с жизнью, нравами, историко-культурными традициями народа, лишь по велению ретивого административного сердца.

История и современность четко подтверждают это правило, представляя на наш суд два вида социологических и политологических построений, две наиболее общие парадигмы, установки государства и гражданского общества.

Согласно одним, государство, гражданское общество и право рассматриваются с точки зрения эгоистических, социально-групповых, классовых интересов людей, устраняющих в борьбе за власть другие «лишние» классы и слои. Последними движут корысть, зависть. Отсюда и социально-классовая борьба между составляющими те или иные классы и имеющими сходные экономические и любые другие интересы индивидами. Власть при этом -самоцель. Это направление можно назвать «насильственным материализмом», поскольку утверждается первичность внешне репрессивного мира (например, социума или экономики) по отношению к внутреннему миру личности, ее духовному опыту, обязанностям и правам. Утверждается, в конечном счете, несвобода личности, ее рабство, подчинение тем или иным «объективным» обстоятельствам - сначала философское в теоретико-методологическом плане («материалистический принцип познания и детерминизма»), а затем политологическое и социологическое в прикладном плане государства и гражданского общества. Это приводит к усиленному обоснованию репрессивных институтов государства и гражданского общества, если личность не подчиняется, не соответствует «прогрессивному» учению о главенстве, обусловленности личного всеобщим (например, «материей»), социально-коллективным (например, «классом собственников», или «классом производителей», или «классом потребителей» - неважно).

На протяжении истории различные авторы: философы, социологи, политологи (Фра-симах, софисты, левеллеры, просветители, Савиньи, Конт, Ибн-Халдун, Лавернь-Пе-гюельен, Маркс и др.) утверждали, что экономика, «материальный фактор» - главная и определяющая область человеческой жизни. Однако опыт истории, да и современная ситуация показывают: одной только власти в социальной, политико-правовой, экономической областях для успешного управления государством и гражданским обществом

мало. Почему? «Насильственный материализм» (или «цесарианизм», по определению А.С. Хомякова) не отвечает.

Этим вопросом занимается совершенно другое направление в социологии и политологии. В него, как и в первое, входит много течений, школ, концепций, подчас тоже очень сильно отличающихся друг от друга. Это «классический либеральный консерватизм», т.е. учение об абсолютной ценности мысли, жизни и достоинства человека. Ценности, подкрепленной неотъемлемыми и неотчуждаемыми ни при каких условиях у человека ни государством, ни гражданским обществом правами и обязанностями. Учение о солидарности различных социальных слоев и согласовании интересов различных граждан в целях их взаимного благополучия. Учение об обязанностях граждан перед государством и гражданским обществом, естественно вытекающих из них прав и неукоснительно соблюдаемых. Наконец, это учение о сохранении, т.е. консервации вышеназванных ценностей свободы, жизни, мысли и достоинства личности от гибели во времени. При этом применяются совершенно определенные и довольно своеобразные способы в познании и обосновании такого либерально-консервативного познания человека, государства, гражданского общества с точки зрения, повторяю, анализа-консервации либерально-творческого начала человека, его «образа и подобия», анализа пределов свободы и причин несвободы в созидательной деятельности.

Основные провозвестники и классические истолкователи «либерального консерватизма», выражавшие в разной степени полноты и отчетливости его идеи, известны: Платон, Аристотель, Св. Григорий Нисский, Марсилиус Падуанский, Дж. Локк, Т. Гоббс, Н. Макиавелли, Э. Берк, А. де Токвиль, М. Вебер, Р.Дж. Коллингвуд, Ф. фон Хайек и др. Эта социологическая и политологическая концепция усиленно разрабатывалась и представителями русской государственной школы естественного права - составной и неотделимой части общемировой либерально-консервативной традиции в истории идей.

При этом и западные, и отечественные сторонники либерального консерватизма остро ставили вопрос о том, какие философско-метафизические основы, ценности, законы действительно отвечают насущным нуждам, жизни людей, т.е. являются общечеловеческими в обществе, культуре, экономике, праве, быту и т.д., а какие связаны с перенапряжением репрессивных институтов государства и гражданского общества (формирование незаконных, альтернативных государственных формирований). И если русские мыслители свидетельствуют о порочности, греховности, безнравственности варварских, языческих узкокорыстных, корпоративных, классовых «материально-обусловленных» философов, то, кстати, современные англо-американские и англоязычные авторы либерально-консервативного направления добавляют в прикладном инструментально-операциональном духе — подобные философские установки социологически, политически, экономически неэффективны, непродуктивны для человека, общества и государства. Быть корыстным, т.е. полагать право «инструментом господства» элиты, невыгодно прежде всего для самой элиты. Жизнь, как известно, изоморфна и переменчива, поэтому именно альтруизм (от лат. «алтер» - другой, «учет интересов другого в собственных интересах») - наиболее выигрышные социологема и политологема. Таков, кстати, вывод М.Я. Острогорского из «железного закона олигархии» Михельсона. Такова и общепринятая перспективная рекомендация современной либерально-консервативной социально-политической науки современным властным и социальным структурам с позиций государства и гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Соч. в 2-х т. М: Медиум, 1993. Т. 1.
2. Медушевский А.Н. История русской социологии. М.: Высш. шк., 1993.
3. Шамшуринов В.И. Человек и государство в русской философии естественного права // Вопр. философии. 1990. № 6.
4. Шамшуринов В.И. Идея права в социальной теории П.И. Новгородцева // Социол. исслед. 1993. № 4.
5. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.
6. Hall P.A. Governing the economy: The politics of state intervention in Britain and France. Cambridge, 1986. P. 286.
7. Кистьяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопр. философии. 1990. № 6.
8. Новгородцев П.И. Политические идеалы Древнего и Нового мира (Очерки по истории философии и права). Вып. II. М., 1913.
9. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопр. философии и психологии. 1904. Т. V. № 75. С. 513.
10. Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972. Т. 1.